

Посвящается Пенни, которая делает настоящее дело

MAX HASTINGS

CATASTROPHE

EUROPE GOES TO WAR 1914

WILLIAM
COLLINS

МАКС ХЕЙСТИНГС

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

КАТАСТРОФА 1914 ГОДА

Перевод с английского

Москва
2014

УДК 94(4)"1914/19"
ББК 63.3(0)53
Х35

Переводчик Мария Десятова
Редактор Антон Никольский

Хейстингс М.

Х35 Первая мировая война: Катастрофа 1914 года / Макс Хейстингс ; Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 604 с.

ISBN 978-5-91671-305-3

Каждая книга крупного историка и писателя сэра Макса Хейстингса становится событием. Автор известен скрупулезным подходом к исследованиям, использованием огромного количества источников и прекрасным стилем. Британец по происхождению, он неизменно неполиткорректен по отношению к глупости своих и чужих военачальников. К ошибкам, просчетам и самодовольству политиков, приводящих человечество к аду на земле, как это было в 1914-м, одном из самых кровавых в мировой истории. В канун столетия Первой мировой войны Макс Хейстингс рассматривает причины катастрофы, называя основными виновницами конфликта Германию и Австро-Венгрию. Перед нами разворачивается величественное батальное полотно на Западном и Восточном фронтах. Мы становимся свидетелями дипломатических переговоров и военных действий, знакомимся с сотнями свидетельств современников — от крупнейших военачальников, писателей и врачей до простых солдат, матросов и «гражданских» жителей. Яркое, динамичное повествование создает ощущение присутствия и причастности и способно захватить не только любителей исторических исследований и военных мемуаров.

УДК 94(4)"1914/19"
ББК 63.3(0)53

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@alpina.ru.

ISBN 978-5-91671-305-3 (рус.)
ISBN 978-0-00-739857-7 (англ.)

© Max Hastings, 2013
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2014

Содержание

Введение	9
Хронология 1914 года.....	15
Организационная структура вооруженных сил в 1914 году	17
Пролог	19
1. «ЧТО-ТО НАДВИГАЕТСЯ»	29
1. Прогресс и упадок.....	29
2. Военные планы	52
2. НА ПОДСТУПАХ К ВОЙНЕ	67
1. Австрия угрожает	67
2. Россия откликается	79
3. Германия выступает	97
4. Британия решается.....	106
3. «ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ ЗРЕЛИЩЕ МИРА, ОХВАЧЕННОГО ПОЖАРОМ» ...	123
1. Миграция	123
2. Чувства	130
3. Отправка	145
4. РАЗГРОМ НА ДРИНЕ	156
5. СМЕРТЬ ПОД ТРУБЫ И ЗНАМЕНА	175
1. «План XVII» в действии.....	175
2. «Немецкая бесчеловечность».....	201
3. Ланрезак против Шлиффена.....	207
6. БРИТАНИЯ СРАЖАЕТСЯ	213
1. Монс	213
2. Ле-Като. «Я не знаю, что здесь веселого»	231

7. ОТСТУПЛЕНИЕ.....	251
8. ТАННЕНБЕРГ. «УВЫ, ТЫСЯЧИ ОСТАЛИСЬ ЛЕЖАТЬ ТАМ В КРОВИ!».....	269
9. ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ЖОФФРА.....	293
1. Париж под ударом	293
2. Сэр Джон в отчаянии.....	296
3. Проблески надежды	304
10. ПОРАЖЕНИЕ МОЛЬТКЕ.....	318
1. Марна	318
2. «Пат в нашу пользу».....	345
11. «БЕДНЯГИ МУЖЕСТВЕННО ЗАЩИЩАЛИ СВОИ КОРАБЛИ»	358
12. ТРИ АРМИИ В ПОЛЬШЕ	385
13. «ТЫ С НИМ, НАВЕРНОЕ, ТАНЦЕВАЛА?»	407
1. Тыл.....	407
2. Пресса и пропаганда	428
14. ПРОСТОРЫ ЗЕМНЫЕ, ПРОСТОРЫ НЕБЕСНЫЕ.....	435
1. Авантюра Черчилля	435
2. «Дьявольские изобретения».....	445
15. ИПР. «АБСОЛЮТНО БЕЗНАДЕЖНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ»	455
16. «ВОЙНА СТАНОВИТСЯ БИЧОМ БОЖЬИМ»	486
1. Польша.....	486
2. Последний триумф сербов.....	496
17. ОКОПНОЕ БЫТИЕ	502
18. ТИШЬ И ПОКОЙ НОЧЬЮ СВЯТОЙ.....	525
Примечания и ссылки на источники цитат.....	547
Иллюстрации	574
Карты	576
Благодарности.....	577
Библиография	579
Предметный указатель.....	591

В 1910 году преподаватель штабного колледжа британской армии бригадный генерал Генри Вильсон, считавший вероятность войны в Европе достаточно высокой, говорил, что единственным благоразумным выходом для Британии будет объединиться с Францией в союзе против Германии. На возражение одного из курсантов, что «ввергнуть в войну всю Европу способна лишь необъяснимая глупость властей», Вильсон разразился хохотом: «Ха-ха-ха! Именно так, необъяснимая глупость нас и ждет!»¹.

«Мы входим в длинный тоннель, залитый кровью и мраком» (Андре Жид, 28 июля 1914 года)².

16 августа представитель российского Министерства иностранных дел в разговоре с британским военным атташе пошутил: «Ваши вояки, должно быть, говорят нам спасибо за возможность поразмяться в небольшой безобидной войне». «Поживем — увидим, насколько она окажется безобидной», — ответил военный атташе³.

Введение

Уинстон Черчилль писал впоследствии: «Из всех этапов Великой войны интереснее всего начало. Размеренное, молчаливое сближение гигантских сил, неопределенность их действий, череда неизвестных, непостижимых фактов, которые привели к первому столкновению в этой непревзойденной драме. За всю Мировую войну не было сражений столь масштабных, унесших в мгновение ока такое огромное количество жизней, и не стояло на кону так много. Кроме того, поначалу наша способность удивляться, ужасаться и восторгаться еще не притупилась, опаленная долгим пожаром войны»¹. Подмечено верно, однако в отличие от Черчилля большинство таких же, как он, непосредственных участников событий ничего захватывающего в них не видели и были далеки от восторгов.

Из XXI века Первая мировая представляется чередой образов: траншеи, грязь, колючая проволока и окопные поэты. Самым кровавым моментом всей войны традиционно считается первый день битвы на Сомме в 1916 году. Это заблуждение. В августе 1914 года французская армия (отряды храбрых солдат в красно-синих мундирах, скачущие верхом офицеры под развевающимися знаменами, полковые оркестры, наполняющие звуками маршей идиллические окрестные пейзажи) несла беспрецедентные ежедневные потери в сражениях куда более жестоких, чем те, что последуют позже. По наиболее точным (хоть и оспариваемым) подсчетам, за пять месяцев военных действий в 1914 году французы потеряли* свыше миллиона человек, в том числе 329 000 убитыми. В одной роте из 82 солдат к концу августа уцелело лишь трое.

Немцы в начальный период войны потеряли 800 000 человек — в том числе погибшими в три раза больше, чем за всю Франко-прусскую кампанию. Ни на одном последующем этапе конфликта немецкая сторона не несла таких сокрушительных потерь. Августовские сражения при Монсе и Ле-Като навеки вписаны в анналы британской истории. В октябре небольшое британское войско на три недели угодило в мясорубку первой битвы при Ипре. Англичане выстояли (благодаря куда более сильной поддержке французов и бельгийцев, чем хотелось бы верить британским националистам), однако большая часть старой бри-

---

* Под потерями понимаются убитые, пропавшие без вести, раненые и захваченные в плен. — *Прим. авт.*

танской армии осталась лежать в той земле: в 1914 году погибло в четыре раза больше солдат короля, чем за три года Англо-бурской войны. Тем временем на востоке шли друг на друга стеной российские, австрийские и немецкие солдаты, считанные недели назад мобилизованные с полей, из-за прилавков и от станков. Крошечная Сербия ввергла Австрию в череду поражений, заставив пошатнуться империю Габсбургов, которая к Рождеству потеряла 1,27 миллиона человек от рук сербов и русских — то есть каждого третьего из мобилизованных ею солдат.

Многие книги о 1914 годе сводятся либо к дипломатическим и политическим коллизиям, в результате которых в Европу в августе хлынули армии, либо к хронике военных событий. Я же попытался связать эти линии воедино, дать читателю хотя бы какие-то ответы на глобальный вопрос «Что произошло в Европе в 1914 году?». Начальные главы посвящены предпосылкам войны, ее завязке. Затем я описываю, что происходит на фронтах и вокруг них до самого наступления зимы, когда противостояние перерастает в патовую ситуацию, которую не удастся переломить, по сути, до самого окончания войны в 1918 году. И пусть кому-то Рождество 1914 года покажется сомнительной финальной точкой, я разделяю процитированное выше мнение Уинстона Черчилля о том, что начало Великой войны носит уникальный характер и вполне заслуживает отдельного рассмотрения. Выход на более широкое поле для размышлений дается в заключительной главе.

Хитросплетение событий, послуживших завязкой Первой мировой, по праву считается куда более сложным для понимания, чем Октябрьская революция в России, начало Второй мировой войны и Карибский кризис. На этом этапе основными движущими силами, несомненно, выступают государственные деятели и генералы, а также противостояние соперничающих альянсов — Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия и Италия как запасной игрок) и Антанты в лице России, Франции и Британии.

Сегодня нередко считается, что мотивы противоборствующих сил не имеют значения, поскольку меркнут перед ужасами непосредственных военных действий — подход в стиле сериала «Черная гадюка»*.

Сомнительная позиция, даже если не разделять мнение Цицерона, что причины событий гораздо важнее самих событий. В 1996 году мудрый историк Кеннет Морган — не консерватор и не ревизионист — в своей лекции о культурном наследии двух глобальных катастроф XX века доказывал, что «история Первой мировой войны была монополизирована в двадцатых годах критиками». Самым ярким из обвинителей Антанты был Мейнард Кейнс, порицавший несправедливость и глупость Версальского договора 1919 года, однако не давший себе труда задуматься, какой мир заключила бы Германская империя и ее союзники,

---

* «Черная гадюка» (Blackadder) — исторический сериал комедийного жанра, в четвертом сезоне которого обыгрывается Первая мировая война (Би-би-си, 1983–1989 гг.). — *Прим. ред.*

окажись они в победителях. Между стыдом и позором, которые овладели британцами после окончания Первой мировой, и ликованием 1945 года — разительный (и активно подчеркиваемый) контраст. Я среди тех, кто отвергает мнение, что Первая мировая война в моральном плане отличалась от Второй мировой. Отсидись Британия в укрытии, пока Центральные державы захватывали власть на Континенте, ее интересы оказались бы под непосредственной угрозой со стороны Германии, чьи аппетиты победа только разожгла бы.

Писатель XVII века Джон Обри в своих дневниках вспоминает: «Где-то в 1647 году я навестил пастора Стампа в надежде ознакомиться с его заметками, которые мне довелось мельком видеть в детстве, однако к тому времени от них почти ничего не осталось: его сыновья-военные чистили ими ружья». От подобных огорчений не застрахован ни один историк, однако изучающим 1914 год грозит, скорее, противоположное — обилие в большинстве своем подозрительных или откровенно подтасованных материалов на всевозможных языках. Почти все ведущие игроки в той или иной степени фальсифицировали сведения о своем участии в событиях; массово гибли архивные материалы — не столько по неосторожности, сколько ввиду фактов, компрометирующих государства или отдельные личности. Начиная с 1919 года немецкие власти в стремлении восстановить свой политический авторитет пытались снять с Германии груз вины, систематически уничтожая изобличающие сведения. Аналогичным образом поступали некоторые сербы, русские и французы.

Кроме того, учитывая, сколько раз за предвоенный период многие государственные и военные деятели успевали поменять свои позиции, их частными и публичными высказываниями можно подкреплять любые противоположные гипотезы относительно их намерений и убеждений. По мнению одного ученого, океанография представляет собой «творческое занятие, которому предаются... из желания потешить собственное любопытство. Закономерности, выискиваемые океанографами в собственных и чужих материалах, на удивление часто оказываются высосанными из пальца»². То же самое можно сказать об изучении истории в общем и 1914 года в частности.

Полемика о том, кто повинен в развязывании войны, длится десятилетиями и уже успела пройти несколько четко выраженных этапов. В 1920-е годы укоренилось мнение, подкрепленное широко распространенным представлением о несправедливости наложенных на Германию по Версальскому договору 1919 года контрибуций, что все европейские державы несут одинаковую ответственность за случившееся. Затем — в 1942 году в Италии, в 1953 году в Британии — вышел программный труд Луиджи Альбертини «Истоки войны 1914 года» (*Le origini della guerra del 1914*), заложивший фундамент для дальнейших исследований, где основной виновницей представала Германия. В 1961 году Фриц Фишер выпустил еще одну революционную работу — «Военные цели Германии в Первой мировой войне» (*Griff nach der Weltmacht*), доказывая, что в войне повинна имен-

но Германская империя, поскольку документальные свидетельства подтверждают намерение немецких властей развязать войну в Европе, пока стремительное развитие и вооружение России не привело к стратегическому перевесу.

Поначалу соотечественники Фишера приняли книгу в штыки. На плечи этого поколения и так лег груз вины за Вторую мировую — а Фишер вздумал заодно повесить на них ответственность и за Первую. На него накинuloсь все научное сообщество. По накалу и остроте «фишеровский скандал» не шел ни в какое сравнение с аналогичными историческими дебатами в Британии или США. Тем не менее, когда страсти улеглись, все почти единодушно признали, что в общем и целом Фишер был прав.

Однако в последние три десятилетия различные аспекты его теории энергично опровергались историками по обе стороны Атлантики. В числе самых весомых вкладов — изданная в 1989 году работа Жоржа-Анри Суту «Золото и кровь» (*L'Or et le sang*). Не касаясь причин конфликта, Суту рассматривал прежде всего противоположные военные задачи союзников и Центральных держав, убедительно доказывая, что Германия ставила себе цели по ходу действия, не имея заранее прописанных четких планов на мировое господство. Разногласия усилили другие историки. Шон Макмикин писал в 2011 году: «Первая мировая в 1914 году была в большей степени русской войной, чем немецкой»³. Самуэль Уильямсон на семинаре в марте 2012 года в вашингтонском Центре Вудро Вильсона назвал устаревшей теорию о первостепенной вине Германии. Нил Фергюсон возлагает львиную долю ответственности на британского министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея. Кристофер Кларк утверждает, что Австрия имела полное право объявить за убийство эрцгерцога Франца Фердинанда войну Сербии, которая, по сути, выступила государством-злодеем. Между тем Джон Рол, авторитетный специалист по истории кайзера и его двора, непоколебимо убежден, что «намеренность действий Германии подкреплена неоспоримыми доказательствами».

Для нас сейчас не имеет значения, какая из этих теорий представляется наиболее или наименее убедительной — вряд ли дебаты по поводу 1914 года когда-нибудь утихнут окончательно. Можно выдвинуть еще много альтернативных интерпретаций, и все будут умозрительными. В начале XXI века появился целый сонм свежих теорий и творческих переосмыслений июльского кризиса, однако, что примечательно, убедительного фактического материала там мало. Данная книга не претендует на статус исчерпывающей — любой историк может предложить лишь точку зрения, гипотезу. Однако приводя собственные выводы, я стараюсь противопоставить им и альтернативные, чтобы читатель мог определиться сам.

Современников и непосредственных участников размах разгоревшегося в августе 1914 года пожара, которому суждено было бушевать еще не один год, потряс не меньше, чем их потомков в XXI веке, у которых есть возможность охватить всю картину тех событий целиком. Лейтенант Эдуард Луис Спирс, бри-

танский офицер, осуществлявший связь с Пятой французской армией, вспоминал впоследствии: «Когда тонет океанский лайнер, все находящиеся на борту, и сильные, и слабые, борются с одинаковым отчаянием и примерно равное время со стихией такого масштаба, что любой перевес в силах или выносливости пловцов ничтожен перед той громадой, которой они пытаются противостоять и которая все равно поглотит их с разницей в несколько минут»⁴.

Именно поэтому для меня так важны свидетельства простых людей — солдат, матросов, гражданских, — перемолотых жерновами сокрушающих друг друга государств. И хотя в книге изображаются знаменитые персоны и известные события, столетие спустя не помешает вывести на сцену новые лица — вот почему я так пристально присматриваюсь к сербскому и галицийскому фронтам, малоизвестным западному читателю.

Масштабные события, разворачивавшиеся одновременно на разных фронтах в сотнях километрах друг от друга, требуют определенной концепции изложения. Я предпочел рассматривать их поочередно, в какие-то моменты жертвуя хронологией. Читателю придется держать в уме, например, что во время отступления французских и британских войск к Марне битва при Танненберге еще продолжалась. Однако при таком подходе вырисовывается более связная картина, чем при описании нескольких фронтов одновременно. Как и в ряде предыдущих своих книг, я постарался не перегружать текст техническими подробностями вроде номеров полков и подразделений. Читателя XXI века гораздо больше интересует человеческий опыт и переживания. Однако для понимания того, как разворачивались военные кампании в начале Первой мировой, необходимо иметь в виду, что любой полководец больше всего боялся опрокинутых флангов, поскольку боковые стороны и тыл армии — самые уязвимые ее части. Именно поэтому все происходившее с войсками осенью 1914 года — во Франции, Бельгии, Галиции, Восточной Пруссии и Сербии — было продиктовано стремлением генералов либо атаковать открытый фланг, либо не пасть жертвой подобного маневра.

Хью Стрейчен в первом томе своего фундаментального труда о Первой мировой войне касается в том числе событий в Африке и на Тихом океане, напоминая нам, что речь идет о размахе поистине глобальном. Я же понял, что полотно таких размеров попросту не уместится в заданные мною рамки, поэтому ограничусь лишь европейской катастрофой, которая тоже была достаточно страшна и масштабна. Четкости ради пришлось поступиться некоторыми формальностями: так, например, Санкт-Петербург, поменявший название на Петроград 19 августа 1914 года, у меня остался под прежним — и нынешним — названием. Сербия, которая в газетах и документах того времени фигурировала как Сербия (Servia), у меня приводится в современном написании, даже в цитатах. Гражданские и военные представители империи Габсбургов часто именуется просто австрийцами (за исключением политических контекстов), а не австро-венгра-

ми, как положено официально. В фамилиях вроде фон Клюк приставка «фон» присутствует только при первом упоминании. Топонимы стандартизируются — например, город Мюлуз не приводится в немецком варианте Мюльхаузен.

Несмотря на то что я успел написать не одну книгу о военных действиях — в частности, о Второй мировой войне, — это моя первая полноценная работа о ее предшественнице. Мое собственное увлечение этим историческим периодом началось в 1963 году, когда сразу после учебы я попал практикантом на съемки эпического 26-серийного документального сериала Би-би-си «Великая война» (The Great War). Платили мне тогда по 10 фунтов в неделю — на 9 фунтов больше, чем я на самом деле заслуживал. Среди авторов программы были Джон Террейн, Коррелли Барнетт и Алистер Хорн. Я перелопачивал архивы и изданную литературу, интервьюировал в личных встречах и по переписке многих ветеранов Первой мировой, которые тогда еще не были стариками. Эта практика осталась в моей памяти одним из самых счастливых и плодотворных периодов жизни, а некоторые из тогдашних моих изысканий пригодились и для этой книги.

С какой жадностью мои сверстники глотали в 1962 году «Августовские пушки» Барбары Такман* — и каким потрясением для них было узнать несколько лет спустя, что сама автор, именитая ученая, называет свой труд совершенно ненаучным. Тем не менее «Августовские пушки» остаются потрясающим образцом исторической прозы, вызывая неприкрытое восхищение многочисленных поклонников (мое в том числе), у которых эта книга пробудила страсть к изучению прошлого. Интерес человечества к тем дням не иссякнет никогда — именно на них пришелся закат коронованной, украшенной эполетами Европы, за которым рождался на поле брани внушающий ужас новый мир.

*Макс Хейстингс
Чилтон-Фолиат, Беркшир
Июнь 2013 года*

---

* Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. — М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.

Хронология 1914 года

28 июня	Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево
23 июля	Австро-Венгрия предъявляет ультиматум Сербии
28 июля	Австро-Венгрия объявляет войну Сербии
29 июля	Австрийские войска обстреливают Белград
31 июля	Россия мобилизуется*, Германия посылает ультиматумы в Санкт-Петербург и Париж
1 августа	Германия и Франция объявляют мобилизацию
3 августа	Германия объявляет войну Франции
4 августа	Германия вторгается в Бельгию, Британия объявляет войну Германии
8 августа	Французские войска стремительно занимают Мюлуз в Эльзасе
13 августа	Австрийские войска входят в Сербию, французы переходят в наступление в Эльзасе и Лотарингии
15 августа	Первые столкновения российских и австрийских войск в Галиции
16 августа	Германии сдается последнее укрепление Льежа
20 августа	Сербы побеждают австрийцев при Цере
20 августа	Взятие Брюсселя
20 августа	Французы отброшены назад после Лотарингской операции
20 августа	Немцы терпят поражение при Гумбиннене в Восточной Пруссии
22 августа	Франция теряет за один день 27 000 человек убитыми при разгромном Пограничном сражении
21–23 августа	Битва при Шарлеруа
23 августа	Британские экспедиционные войска участвуют в битве при Монсе

---

* Даты мобилизации неточны, поскольку во всех случаях принимались предварительные меры заранее, а главы государств в большинстве своем подписывали официальный указ уже после начала формирования войск. — *Прим. авт.*

24–29 августа	Битва при Танненберге
26 августа	Британские экспедиционные войска сражаются при Ле-Като
28 августа	Сражение в Гельголандской бухте
29 августа	Битва при Сен-Кантене
2 сентября	Российские войска берут австрийскую крепость Лемберг
6 сентября	Франция переходит в контрнаступление на Марне
7 сентября	Австрийские войска снова входят в Сербию
9 сентября	Немцы начинают отступление к Эне
9 сентября	Сражение у Мазурских озер
23 сентября	Япония объявляет войну Германии
9 октября	Взятие Антверпена
10 октября	Российские войска берут австрийскую крепость Перемышль
12 октября	Начало сражений во Фландрии, апогеем которых станет трехнедельная Первая битва при Ипре
29 октября	Османская империя вступает в войну на стороне Центральных держав
18–24 ноября	Битва при Лодзи, закончившаяся отступлением немецких войск
2 декабря	Освобождение сербскими войсками Белграда
15 декабря	Австрийскую армию в Галиции отесняют к Карпатам
17 декабря	Австрийские войска повторно изгоняют из Сербии

Организационная структура вооруженных сил в 1914 году

Структура войск и размеры войсковых формирований у разных воюющих сторон отличались, однако в общем и целом иерархия выглядела так:

АРМИЮ составляют от двух до пяти КОРПУСОВ (каждый, как правило, под командованием генерал-лейтенанта). КОРПУС состоит из двух-трех пехотных ДИВИЗИЙ (под командованием генерал-майоров) по 15 000–20 000 бойцов в каждой (кавалерийские дивизии раза в три меньше) с частями обеспечения, инженерными и вспомогательными подразделениями, а также тяжелой артиллерией. Британская дивизия могла включать три БРИГАДЫ (под командованием бригадных генералов) со своей собственной полевой артиллерией, из расчета по крайней мере по одной батарее на каждый пехотный батальон. В континентальных армиях следующей единицей после дивизии считались ПОЛКИ из двух-трех батальонов, подчиненные непосредственно командиру дивизии. Британская же пехотная бригада состояла обычно из четырех БАТАЛЬОНОВ (по 1000 человек в каждом) под командованием подполковников. Батальон делился на четыре стрелковые РОТЫ числом по две сотни каждая с майором или капитаном во главе плюс эшелон обеспечения — пулеметы, транспорт, снабжение и прочее. РОТА состояла из четырех стрелковых ВЗВОДОВ под командованием лейтенантов — по 40 человек в каждом. Кавалерийские полки числом от 400 до 600 человек делились на эскадроны и кавалерийские взводы. Численность этих боевых единиц стремительно таяла в огне войны.

Пролог

САРАЕВО

Причудливая мелодрама, разыгравшаяся 28 июня 1914 года в Боснии, подействовала на мировую историю словно осиный укус на прикованного к постели больного, которому гнев придал сил вскочить, чтобы разрушить осиное гнездо. Убийство эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника Австро-Венгерской монархии, явилось не причиной Первой мировой войны, а лишь поводом, сигналом к действию для уже расставленных сил. По иронии судьбы студент-террорист убил того единственного из всех правителей Габсбургской империи, который мог бы попытаться предотвратить своим влиянием грядущую катастрофу. Однако что произошло, то произошло, и цепь событий того жаркого дня в Сараево представляет собой лакомый кусок для любого историка, занимающегося Первой мировой.

Если не считать собственной супруги, Франц Фердинанд мало у кого пользовался любовью. Дородный 50-летний эрцгерцог, один из 70 эрцгерцогов Габсбургской империи, стал наследником престола после того, как в 1889 году в Майерлинге застрелил свою возлюбленную и покончил с собой его кузен кронпринц Рудольф. Император Франц Иосиф своего племянника терпеть не мог, остальные считали его чванливым солдафоном. Главной страстью Франца Фердинанда была стрельба — он успел настрелять около 250 000 охотничьих трофеев, прежде чем сам угодил в потрепанный ягдташ Гаврилы Принципа.

В 1900 году эрцгерцог отдал свое сердце чешской аристократке Софии Хотек. Она была умной и самоуверенной — однажды на армейских маневрах отчитала командующих офицеров за то, что солдаты плохо держали строй. Однако отсутствие королевской крови делало ее в глазах императорского двора неподходящей кандидатурой на роль императрицы. Правящий монарх дал согласие лишь на морганатический брак, тем самым обрекая супругов на остракизм со стороны высокомерной австрийской аристократии. И хотя Франц Фердинанд с Софией души друг в друге не чаяли, им сильно досаждали мелкие унижения и издевки, сыпавшиеся на Софию из-за отсутствия королевских кровей. Франц Фердинанд

назвал свой любимый прогулочный маршрут в чешском замке Конопиште «этапами крестного пути». На дворцовых мероприятиях ему отводилось место сразу за императором, но без супруги, и Франц Фердинанд ненавидел строившего эти козни обер-церемониймейстера князя Монтенуово Альфреда.

Тем не менее статус Франца Фердинанда как непосредственного престолонаследника позволял его супруге принимать генералов, политиков и иностранную знать. 13 июня 1914 года замок Конопиште навесит немецкий кайзер в сопровождении любителя роз гроссадмирала Альфреда фон Тирпица, мечтавшего посмотреть знаменитые замковые цветники. Вильгельм II с его умением попадать в анекдотичные ситуации отличился и на этот раз — его таксы Вадль и Хексль опозорились, задрав редкого фазана, принадлежавшего хозяину замка. В результате эрцгерцог и кайзер вместо дискуссии по вопросам европейской или балканской политики обсуждали это курьезное происшествие.

На следующий день, в воскресенье 14-го, в замок Конопиште приехал с супругой министр иностранных дел Австрии и самый влиятельный из ее политиков граф Леопольд Берхтольд. Берхтольды были баснословно богаты и жили на широкую ногу. Они увлекались скаковыми лошадьми, и как раз той весной их годовалая кобыла выиграла гандикап «Кон Аморе» во Фройденау. Графиня Нандина была подругой детства светлейшей герцогини Софии Гогенберг (такой титул получила София Хотек после замужества). Гости прибыли в замок к завтраку, провели день любуясь парком и коллекцией живописи, большим знатоком которой слыл граф, а затем отбыли в Вену вечерним поездом. Это была их последняя встреча с хозяевами замка.

Свои консервативные социально-политические взгляды эрцгерцог выражал достаточно энергично. В 1910 году после похорон Эдуарда VII в Лондоне в письме домой он сетовал на невоспитанность большинства государственных правителей и возмущался дерзостью некоторых присутствовавших там политиков, в частности, бывшего президента США Теодора Рузвельта. Франца Фердинанда нередко называют человеком просвещенным. Но и в этом случае он, как и многие королевские особы на рубеже Новейшей истории, был испорчен привилегированным положением, позволяя себе некорректные даже по тогдашним меркам высказывания.

Презируя венгров, он говорил кайзеру: «Эти так называемые благородные, благовоспитанные мадьяры на самом деле отъявленные подлецы, вруны, мошенники и противники династии». Южных славян он считал людьми второго сорта, называя сербов не иначе как «эти свиньи». Лелеял мечту отвоевать для Габсбургской империи Ломбардию и Венецию, отошедшие к Италии уже на его памяти. Побывав в 1891 году в России, Франц Фердинанд заявил, что тамошний абсолютизм должен служить «восхитительным примером» для других. Царя Николая II коробило от несдержанности Франца Фердинанда — особенно в национальных вопросах. Кроме того, и эрцгерцог, и его жена, будучи истовыми католиками, бла-

говорили иезуитам и не терпели масонов, иудеев и либералов. В 1901 году религиозный пыл Софии вдохновил ее возглавить в Вене католический марш, на который вышли две сотни аристократов.

Тем не менее в одном вопросе эрцгерцог все же проявлял миролюбие, расходясь во мнении со многими австрийцами (в том числе начальником Генерального штаба армии генералом Конрадом фон Хетцендорфом), не жалующими Россию и предвещающими возможность помериться силами с русскими солдатами на поле боя, — он неоднократно повторял, что намерен избежать вооруженного столкновения. Мечтая о «согласии императоров», он писал: «Я никогда не вступлю в войну с Россией. Я готов идти на жертвы, чтобы этого избежать. Война между Австрией и Россией закончится свержением либо династии Романовых, либо Габсбургов — либо обеих династий». Вот выдержка из его письма Берхтольду: «Ваше высокопревосходительство! Не поддавайтесь влиянию Конрада — ни за что! Не поддерживайте его трепотню перед императором. Разумеется, он хочет развязать войну любой ценой, ему на руку любая потасовка, ведущая к завоеванию Сербии и Бог весть к чему еще... Войной он хочет прикрыть неурядицы, в которых есть доля и его вины. Поэтому давайте не будем уподобляться балканским военачальникам. Давайте будем выше подстрекательства. Постоим в стороне, посмотрим, как чернь раскроит друг другу черепа. Было бы непростительным безумием настраивать против себя Россию»¹.

Франц Фердинанд, не менее кайзера Вильгельма склонный к пылким обличительным речам, все же превосходил его в рассудительности. Будь эрцгерцог жив в момент обострения конфронтации с Россией, он мог бы направить свое влияние на мирное урегулирование. Однако он погиб, отправившись с официальным визитом в одно из самых опасных и беспокойных владений своего августейшего дяди Франца Иосифа. Империя, как форма власти, объединяющая под общим началом обширные территории, единодушно считалась в европейских монархиях вождем олицетворением высочайшей силы и могущества. Но если британские и французские колонии располагались далеко за океаном, то у Габсбургов и Романовых подчиненные земли находились прямо под боком. На венгерских монетах чеканилась аббревиатура надписи «Его Апостолическое Величество Франц Иосиф Божьей милостью император Австро-Венгрии, Хорватии, Словении и Далмации». В 1908 году Австро-Венгрия присоединила Боснию и Герцеговину, вызвав тем самым возмущение русских. Бывшие владения Османской империи со смешанным сербско-мусульманским населением состояли в австрийской оккупации с 1878 года — по мандату, изданному Берлинским конгрессом, однако большинство боснийцев яростно противилось подчинению.

В 1913 году иностранный дипломат в отчаянии сетовал на австро-венгров: «Впервые вижу людей, настолько упорствующих в ущемлении собственных интересов!»² Для империи, и без того стонущей под гнетом собственных противоречий и недовольства поработанных малых народов, аннексировать Бос-

нию-Герцеговину было верхом безумия. Однако Франц Иосиф все еще переживал унижительную потерю североитальянских владений вскоре после восшествия на престол и поражение в войне с Пруссией в 1866 году. Обретение новых колоний на Балканах представлялось некой компенсацией, а заодно расстраивало панславистские планы Сербии.

Учитывая, как лихорадило присоединенные территории, было крайне опрометчиво объявлять о намеченном на март визите Франца Фердинанда в Боснию. Члены одной из многочисленных подпольных группировок «Млада Босна», объединяющей студентов крестьянского происхождения, тут же ухватились за представившуюся возможность устроить покушение. Додумались они до этого самостоятельно или пошли на поводу у белградских кукловодов, доподлинно неизвестно — за неимением конкретных данных любая версия правомерна. К младобоснийцам принадлежал и 19-летний Гаврила Принцип. Как и многие, вошедшие в историю схожим образом, всю свою недолгую жизнь он пытался переломить мнение окружающих о себе как о человеке мелком и незаметном. В 1912 году он пошел записываться добровольцем, чтобы сражаться за Сербию в Первой балканской войне, однако его не взяли из-за малого роста. На первом допросе после принесших ему печальную славу событий июня 1914 года он объяснил свой поступок так: «Меня везде принимали за слабака».

В мае Принцип с двумя товарищами приехал в Белград — столицу юного государства, лишь в 1903 году получившего окончательную независимость от Османской империи и беззаветно преданного панславистскому движению. Принцип, проживший в Сербии два года, отлично знал эту страну. Младобоснийцы имели при себе четыре браунинга и шесть бомб, полученных от майора Воислава Танкосича из террористической организации «Единство или смерть», известной еще как «Черная рука» и построенной по образцу немецких и итальянских тайных обществ.

Возглавлял эту организацию 36-летний начальник военной разведки полковник Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис — в честь египетского бога быка. Он был основной фигурой в одной из трех фракций, участвующих в борьбе Сербии за самоуправление. Во главе остальных двух стояли соответственно князь-регент Александр (не жаловавший полковника за непочтение к королевской семье) и премьер-министр Никола Пашич. Апис выглядел типичным революционным фанатиком — бледный, лысый, мускулистый и загадочный — словно «монгол-исполин», по словам одного дипломата. Закоренелый холостяк, он посвятил свою жизнь организации, гордившейся мистическим ритуалом посвящения и печатью с пиратским флагом, кинжалом, бомбой и ядом. Кровопролитие не было для него в новинку — в 1903 году он принимал активное участие в заговоре молодых офицеров, прикончивших в собственной спальне короля Сербии Александра и королеву Драгу.

Влияние «Черной руки» чувствовалось во многих сербских институтах, не исключая и армию. Почтенный господин, убеленный сединами 69-летний Никола Пашич был давним врагом Аписа, соратники которого в 1913 году планировали покушение на премьер-министра. Пашич и многие его коллеги считали, что полковник представляет собой опасность для стабильности и даже для существования страны — 14 июня министр внутренних дел Милан Протич в беседе с посетителем называл «Черную руку» «угрозой для демократии»³. Однако в обществе, раздираемом противоречивыми интересами, гражданское правительство не обладало достаточной властью, чтобы устранить или посадить за решетку Аписа, находящегося под покровительством начальника штаба армии.

Помимо пистолетов, бомб и ампул с цианидом для самоуничтожения, других серьезных доказательств того, что Принцип получал поддержку и указания из Белграда, обнаружено не было. Убийцы до самой смерти отрицали официальное участие Сербии. С высокой долей вероятности младобоснийцев действительно проинструктировала и натравила на эрцгерцога «Черная рука», однако доподлинно известно лишь одно: ее агенты обеспечили боснийцам возможность совершить покушение на территории империи Габсбургов. Попрактиковавшись в стрельбе в белградском парке, 27 мая после прощального ужина Принцип с двумя соучастниками, Трифко Грабежем и Неделько Чабриновичем, отбыл в восьмидневное путешествие до Сараево. Часть пути Принцип и Грабеж проделали пешком по сельской местности, перебравшись через границу с помощью проинструктированного «Черной рукой» пограничника. Однако, если Апис действительно взял руководство покушением на себя, почему начинающему террористу Принципу пришлось закладывать в Белграде пальто за несколько динаров, чтобы оплатить дорожные расходы?

Кто еще мог знать о готовящейся акции? Послом России в Белграде был фанатичный панславист Николай Хартвиг, сочувствовавший «Черной руке», — вполне вероятно, что он тоже принимал участие в заговоре. Однако ни малейших доказательств того, что в Санкт-Петербурге было известно о готовящемся покушении, не имеется, и верится в это с трудом. Россия враждебно относилась к Австро-Венгрии за преследование славянских меньшинств, но желать смерти Францу Фердинанду у царя с министрами разумного повода не было.

Боснийский крестьянин, проводивший Принципа и Грабежа на территорию империи Габсбургов (третий соучастник, Чабринович, добирался отдельно, своим ходом), будучи осведомителем сербского правительства, сообщил о передвижениях заговорщиков, а также о бомбах и пистолетах в багаже министерству внутренних дел в Белграде. В его докладе, прочитанном и резюмированном лично премьер-министром, ни словом не упоминалось о заговоре против Франца Фердинанда. Пашич назначил расследование и приказал воспрепятствовать перемещению оружия из Сербии в Боснию, однако дальше этого не пошел. Один

из сербских министров утверждал впоследствии, будто в конце мая — начале июня Пашич сообщил Кабинету о передвижении неких заговорщиков в направлении Сараево с целью убить Франца Фердинанда. Правда это или нет, не известно (протоколов на заседаниях Кабинета не велось), однако Пашич, судя по всему, велел сербскому посланнику в Вене передать австрийским властям лишь предостережение общего характера — возможно, потому, что не хотел давать в руки Габсбургов очередной и вполне весомый повод для недовольства своей страной.

Сербия на задворках Австро-Венгрии выступала такой же пороховой бочкой, что и Ольстер в Великобритании в определенные периоды XX века — только ирландские сепаратисты оказались настойчивее сербских. Хроническая жестокость Сербии по отношению к собственным меньшинствам, в частности, к мусульманам, сильно портила ее репутацию. По мнению некоторых историков, непосредственное участие сербских властей в терроре (в том числе в заговоре против Франца Фердинанда) позволяет с полным правом считать Сербию «государством-злодеем». Однако мнение это, повторяю, строится на косвенных доказательствах и догадках. Вряд ли заклятые враги Апис и Пашич выступили бы единым фронтом ради убийства эрцгерцога.

Даже без предостережения из Белграда австрийские власти имели все основания готовиться к вспышке протеста или попытке покушения на Франца Фердинанда, который и сам полностью сознавал опасность. Покинув 23 июня свое чешское имение Хлумец, Франц Фердинанд с супругой вынужден был отправиться в Боснию в купе первого класса венского экспресса, поскольку у его автомобиля перегревались оси. «Многообещающее начало путешествия, — сердился эрцгерцог. — Здесь горит автомобиль, а там в нас, чего доброго, метнут бомбу». В предвоенные годы теракты, особенно на Балканах, были обычным явлением, постоянной мишенью для снисходительного британского юмора. Это и анекдот из *Punch*, в котором один анархист спрашивает другого: «Который час на вашей бомбе?», и рассказ Саки в стиле черного юмора под названием «Пасхальное яйцо» (*The Easter Egg*), и романы Джозефа Конрада и Генри Джеймса о террористах.

Для Габсбургов покушения не были редкостью. В 1898 году в Женеве итальянский анархист заколол при посадке на пароход императрицу Елизавету, жившую врозь с императором Францем Иосифом. Десять лет спустя в Лемберге (Львове) 20-летний украинский студент застрелил наместника Галиции графа Потоцкого, выкрикнув: «Это ваша кара за наши страдания!» Судья на процессе по делу хорвата, застрелившего другого представителя австрийской знати, спросил террориста — уроженца Висконсина, считает ли он убийство правомерным поступком. Подсудимый ответил: «В данном случае — да. Так полагают в Америке. За мной стоят 500 000 американских хорватов. Я не последний человек в обществе... Покушения на жизнь сановников — наше единственное оружие». 3 июня 1908 года молодой босниец Богдан Жераич готовил покушение на императора в Мостаре, однако в последний момент передумал. Вместо этого он отправил-

ся в Сараево и несколько раз выстрелил в генерала Мариана Варешанина, затем, ошибочно сочтя задачу выполненной, последнюю пулю пустил в себя. Позже возникли бездоказательные подозрения, что револьвером его обеспечила «Черная рука». Отрубленную голову террориста австрийская полиция сохранила в своем музее.

В июне 1912 года школьник стрелял в Загребе в наместника Хорватии — промахнулся, ранив чиновника императорской администрации. В марте 1914 года на бомбе с часовым механизмом, присланной по почте румынами, подорвался генеральный викарий Трансильванского епископата. Франц Фердинанд, однако, не терял чувства юмора даже в такой накаленной обстановке. Как-то раз на военном параде, когда из-за кустов выскочил взъерошенный тип с большим черным предметом в руках и вся свита бросилась врассыпную, эрцгерцог только расхохотался: «Пусть целится, не мешайте. Это его работа — он придворный фотограф. Пусть трудится!»

Однако в Боснии эрцгерцога поджидала опасность совсем не шуточная. Австрийская полиция уже раскрыла и сорвала несколько заговоров на стадии подготовки. Гаврила Принцип был уличен в «антигосударственной деятельности» — однако, когда он зарегистрировался в Сараево как приезжий, слежка за ним установлена не была. За безопасность во время визита августейших гостей отвечал боснийский наместник генерал Оскар Поттиорек. Глава политического отдела предупреждал об угрозе со стороны младобоснийцев, однако Поттиорек высмеял чиновника за «страх перед детишками». Как выяснилось позже, принимающую сторону больше волновало меню и правильная температура вина, чем безопасность высокого гостя. Одной только беспечности чиновников было достаточно, чтобы у Принципа с товарищами появился шанс.

Вечером 27 июня Франц Фердинанд и София, которые по графику должны были прибыть в Сараево лишь на следующий день, поддавшись порыву, заранее приехали в манящий восточной экзотикой город с населением 42 000 человек. Там они бродили по ремесленным лавкам, в том числе ковровым, на виду у толпы зевак, среди которых был и Принцип. Супруги отдыхали и веселились. На курорте Илидже вечером того же дня герцогине был представлен доктор Йосип Сунарич, выдающийся депутат боснийского парламента, настаивавший на отмене визита. Герцогиня не преминула уколоть его в беседе: «Мой дорогой доктор Сунарич, вы все-таки ошиблись. Ваши прогнозы не всегда оправдываются. Все сербы до единого встречают нас здесь радушно и тепло, мы очень рады, что приехали»⁴. «Ваше сиятельство, я молю Господа, чтобы при завтрашней нашей встрече вы не отказались от своих слов. У меня упадет огромный камень с души», — ответил Сунарич.

Тем же вечером в отеле *Vosna* в Илидже был устроен банкет в честь эрцгерцога. Гостям подавали *potage régence* (регентский суп), *soufflés délicieux* (изысканное суфле), *blanquette de truite à la gelée* (заливное из форели), курицу, баранину, говя-

дину, crème aux ananas en surprise (ананасовый крем-сюрприз), сыр, мороженое и конфеты. Пили мадеру, токайское и боснийское вино «Жилавка». На следующее утро перед отъездом в Сараево Франц Фердинанд отправил телеграмму старшему сыну Максу, поздравляя его с успешной сдачей экзаменов в «Шотландской академии»*. Эрцгерцог и София обожали своих детей — Франц Фердинанд отдыхал душой, принимая участие в детских забавах в игровой комнате замка Конопиште. В этот день, 28 июня, супругам предстояло отметить четырнадцатую годовщину свадьбы, тогда как для сербов эта дата знаменовала поражение в битве на Косовом поле в 1389 году в войне с Османской империей.

Эрцгерцог выехал в форме генерала кавалерии — небесно-голубой мундир, золотой воротник с тремя серебряными звездами, черные брюки с красными лампасами и шлем с зелеными павлиньими перьями. Статная пышнотелая София отправилась в дорогу в широкополой белой шляпе с вуалью, длинном белом шелковом платье с красными и белыми искусственными цветами за красным кушаком и горностаевой накидкой на плечах. Поздним утром 28 июня, в полном соответствии с официальным графиком, кортеж эрцгерцога отправился от железнодорожного вокзала Сараево. Семь младобоснийцев заняли стратегические точки у трех мостов через реку, по одному из которых неминуемо должен был проехать Франц Фердинанд.

Кортеж проехал через «настоящий строй из убийц», как сказал позже католический архиепископ. Незадолго до первой запланированной остановки бомба, брошенная наборщиком Неделько Чабриновичем, отскочила от сложенной крыши автомобиля эрцгерцога и разорвалась, ранив двух членов свиты. Чабриновича, предпринявшего неудачную попытку покончить с собой, схватили и увели. «Я герой Сербии!» — кричал он с гордостью. Большинство остальных заговорщиков так и не нашли в себе сил воспользоваться оружием, позже приводя самые разные оправдания своей нерешительности. Эрцгерцог доехал до ратуши, где с объяснимым раздражением вынужден был слушать заготовленную приветственную речь. Когда гости снова расселись по автомобилям, Франц Фердинанд выразил желание навестить раненных бомбой Чабриновича. При въезде на улицу Франца Иосифа генерал Потioreк, сидевший на переднем сиденье автомобиля эрцгерцога, заметил, что шофер свернул не туда. Машина остановилась. У нее не было задней передачи, поэтому пришлось толкать ее обратно на набережную Аппель, где она оказалась в двух шагах от стоящего на тротуаре Принципа.

Студент выхватил пистолет и дважды выстрелил. Второй заговорщик, Михайло Пукара, оттолкнул детектива, который, увидев происходящее, попытался вмешаться. София и Франц Фердинанд были ранены с расстояния в несколько шагов. Герцогиня потеряла сознание сразу, а эрцгерцог еще успел пробормотать: «Софи, Софи, не умирай, останься ради наших детей». Это были его последние

---

* Шотландская академия — расхожее название бывшей «шотландской» (на самом деле ирландской) католической школы, готовившей к поступлению в Венскую академию. — *Прим. ред.*

слова — в двенадцатом часу дня он скончался. На Принципа набросилась толпа. Пукара, на редкость красивый юноша, отказавшийся ради экстремистской деятельности от предложенной ему роли в Белградском национальном театре, схватился с офицером, замахнувшимся на Принципа саблей. Другой молодой человек, Фердинанд Бер, также бросился спасать убийцу от немедленной расправы.

Заговор против эрцгерцога поражал дилетантизмом и удался лишь потому, что австрийские власти не озаботились элементарными мерами безопасности во враждебном окружении. В свою очередь, возникает вопрос: действительно ли покушение было тщательно спланированной акцией профессионального заговорщика Аписа — или представляло собой экспромт, стихийный выпад в сторону ненавистного правления Габсбургов? Однозначного ответа быть не может. Коронер Сараевского окружного суда Лео Пфедфер подумал, едва взглянув на Принципа: «Трудно себе представить, чтобы такой хрупкий человек совершил столь серьезный поступок». Молодой убийца твердил, что не собирался вместе с эрцгерцогом убивать и герцогиню: «Пуля не всегда попадает туда, куда метишь». На самом деле удивительно, что (даже с близкого расстояния) Принципу удалось убить двумя выстрелами обоих — pistolетные ранения часто оказываются не смертельными.

За первые двое суток после убийства в Боснии арестовали и посадили в военную тюрьму вместе с Принципом и Чабриновичем более двух сотен известных сербов. Под горячую руку повесили нескольких крестьян. Через несколько дней за решеткой сидели все заговорщики — за исключением Мехмеда Мехмедбашича, сбежавшего в Черногорию. К концу июля в застенках находилось уже 5000 сербов, 150 из которых были повешены, когда начались военные действия. В отместку на австрийский вспомогательный корпус вылился гнев еще большего количества мусульман и хорватов. По итогам начавшегося в октябре суда Принцип, Чабринович и Грабеж были приговорены к 20 годам заключения — смертной казни они, как несовершеннолетние, не подлежали. Остальные трое получили тюремные сроки, пятеро были повешены 3 февраля 1915 года, еще четверо соучастников получили от трех лет до пожизненного. Девять обвиняемых выпустили на свободу, в том числе некоторых крестьян, которых Принцип, по собственному признанию, принудил к помощи.

Весть о смерти эрцгерцога и его супруги в тот же день разошлась по всей империи, а затем и по всей Европе. В три часа дня новостями из Сараево были прерваны проходившие под аккомпанемент нового «Марша воздухоплателей» демонстрационные полеты на летном поле Асперн в Вене. Императора Франца Иосифа известие, полученное от генерал-адъютанта графа фон Паара, застало в Ишле. Он воспринял его бесстрастно, однако обедать решил в одиночку⁵.

Кайзер в это время находился на регате в Киле. Направившийся к королевской яхте ялик Вильгельм попытался отослать обратно, тем не менее тот приблизился. Плывший на нем глава кайзеровского морского Кабинета адмирал Георг

фон Мюллер положил записку в портсигар и забросил на палубу Hohenzollern, где ее подобрал матрос и доставил императору. Вильгельм, прочитав, побледнел и пробормотал: «Опять все сначала!» Кайзер, один из немногих в Европе, симпатизировал Францу Фердинанду, завязал с ним личные отношения и был искренне огорчен его гибелью. Он отдал приказ покинуть регату. Контр-адмирал Альберт Хопман, начальник центрального штаба Министерства ВМС Германии, также находившийся в Киле, услышал новость о «скоропостижной кончине» Франца Фердинанда, выходя с обеда, куда был приглашен и британский посол. Поздно вечером, узнав подробности, он писал о «чудовищном событии, политические последствия которого невозможно просчитать»⁶.

Однако большая часть Европы приняла новость равнодушно, уже успев привыкнуть к покушениям и террору. В Санкт-Петербурге русские друзья британского корреспондента Артура Рэнсома снисходительно назвали убийство «очередным проявлением балканской дикости»⁷. Точно так же отнеслось к нему большинство лондонцев. В Париже другой журналист, Раймон Рекули из *Le Figaro*, процитировал общественное мнение, что «разгоревшийся конфликт скоро перейдет в категорию обычных балканских междоусобиц, которые возникают каждые 15–20 лет и разрешаются, не требуя вмешательства великих держав». Президенту Франции Раймону Пуанкаре, находившемуся на скачках в Лоншане, известие о выстрелах в Сараево не помешало насладиться Гран-при. Два дня спустя 20-летняя прусская школьница Эльфрида Кюр, вместе с одноклассниками рассматривавшая в газете фотографии убийцы и его жертвы, заметила: «Принцип куда симпатичнее этого жирного борова Франца Фердинанда»⁸. Одноклассники ее дерзость не одобрили.

Панихида по эрцгерцогу в душной домово́й церкви Хофбурга длилась всего 15 минут, после чего Франц Иосиф отбыл обратно в Ишль, на воды. Старый император не притворялся, будто скорбит о смерти племянника, хотя и негодовал на убийц. Большинство подданных разделяли его чувства — точнее, их отсутствие. 29 июня в Вене профессор Йозеф Редлих отметил в своем дневнике: «В городе не чувствуется траура. Повсюду музыка»⁹.

Лондонская *The Times* осветила похороны 1 июля в сухой, наводящей скуку заметке. Венский корреспондент уверял, что «судя по настроениям в прессе, никаких репрессивных мер по отношению к сербам за преступление крошечного меньшинства не предполагается. <...> Высказывания прессы в адрес сербов в целом отличаются сдержанностью».

Иностранные обозреватели не уставали удивляться казенному и откровенно неискреннему трауру по наследнику императорского престола в Вене. Тем парадоксальнее, что правительство империи Габсбургов без колебаний решило воспользоваться покушением, чтобы вторгнуться в Сербию, — невзирая на риск вооруженного столкновения с Россией. И Принцип убил единственного во всей империи человека, намеревавшегося этому столкновению воспрепятствовать.

«Что-то надвигается»

1. Прогресс и упадок

В 1895 году молодой офицер британской армии обедал в Лондоне с пожилым государственным деятелем сэром Уильямом Харкорттом. После беседы, в которой сэр Уильям, по его собственным словам, принял самое активное участие, лейтенант Уинстон Черчилль (а это был именно он) с интересом спросил Харкорта: «А потом что произойдет?» «Дорогой Уинстон, — ответил собеседник с неистребимым викторианским самодовольством, — богатый жизненный опыт подсказывает мне, что не происходило и не произойдет ровным счетом ничего»¹. Старые, окрашенные сепией фотографии очаровывают нынешнее поколение. Длинная выдержка придает лицам безмятежность. Мы любуемся образами старой Европы последних предвоенных лет — аристократы во фраках с белыми бабочками и бальных платьях с тиарами, балканские крестьяне в фесках и шароварах, надменные и обреченные августейшие семьи...

Молодые люди с усами и трубками, в неизменных шляпах-канотье, правящие плоскодонками в окружении коротко стриженных девушек в глухих высоких воротниках... Затишье перед бурей. В высшем обществе чопорно взвешивается каждое слово — «черт» и «треклятый» немислимы, хлесткие эпитеты приберегаются для более узкого круга. «Приличный» означает высочайшую похвалу, «дрянь» — глубочайшее презрение. Полвека спустя британский писатель и ветеран войны Реджинальд Паунд заявит: «Беспристрастно вьедливые истории поздней школы не способны развеять золотую дымку тех лет и проникнуть сквозь нее взглядом. Ни вопиющее неравенство, ни растущее незаслуженное богатство, ни окружающее убожество, ни пьянство не могли омрачить то безоблачное счастье, которое больше в этот мир не возвращалось»².

И все же, хоть Паунд жил в то время, а мы нет, сложно с ним согласиться. Только человек, намеренно закрывающий глаза на бурлящие вокруг события, мог назвать начало XX века эрой безмятежного покоя и тем более довольства. Водоворот страстей и разочарований, научных открытий, технического про-

гресса и неудовлетворенных политических амбиций приводил великие умы эпохи к осознанию, что старый порядок рушится. Да, герцогам по-прежнему при- служивали лакеи с напудренными волосами, в знатных домах подавались обе- ды с 10–12 переменами блюд, на Континенте еще не изжили себя дуэли. Однако было очевидно, что все это скоро закончится, что будущее будет определять воля масс либо те, кто сумеет манипулировать их волей, а не прихоти традицион- но правящего класса, даже если власти предрешающие пытаются отсрочить потоп.

Мы эгоцентрично полагаем, будто только нашему поколению приходится жить (а государственным руководителям вершить судьбы) в эпоху стремитель- ных перемен. Между тем в период с 1900 по 1914 год Европу и Америку захлест- нул технический и социально-политический прогресс невиданного размаха для такого короткого — буквально мгновение в масштабах истории — временно- го промежутка. Эйнштейн выдвинул свою теорию относительности, Мари Кюри открыла радий, Лео Бакеланд изобрел бакелит — первый синтетический поли- мер. В повседневную жизнь состоятельных господ входили телефоны, грамо- фоны, автомобили, кинотеатры, электричество. Периодическая печать набирала беспрецедентный общественный вес и политическое влияние.

В 1903 году человек совершил первый управляемый полет, пять лет спустя граф Фердинанд Цеппелин воспел мечту о свободном воздухоплавании: «Только тогда будет исполнена древняя божественная заповедь ... [гласящая], что чело- век должен стать венцом творения». После спуска на воду британского линкора Dreadnought все боевые корабли, не обладающие подобными орудиями крупно- го калибра на поворотных механизированных платформах, можно было списы- вать как негодные для боевых действий. Пока выпускники кадетских корпу- сов дорастали до адмиралов, увеличивалась и дальность стрельбы — с несколь- ких тысяч метров до десятков километров. Большой потенциал признавали за подводными лодками. Со времен Гражданской войны в Америке, считавшей- ся до Первой мировой самым крупным вооруженным конфликтом индустри- альной эпохи, значительный прогресс претерпели и сухопутные орудия уни- тожения: пулеметы стали точнее и надежнее, увеличилась поражающая способ- ность артиллерии. Выяснилось, что колючая проволока эффективно преграждает путь не только домашней скотине, но и войскам. Тем не менее многие прогнозы о характере будущих войн не оправдались. Известный автор статьи из немец- кого журнала *Militär-Wochenblatt* уверял в 1908 году: опыт Русско-японской вой- ны 1904–1905 годов в Манчжурии доказывает, что «самые хорошо защищенные укрепления и окопы — даже на открытом пространстве — можно взять отвагой и искусным использованием рельефа. <...> Европейской культуре концепция сражений до последнего патрона попросту неведома».

Во всех государствах континентальной Европы на подъеме находился соци- ализм, начался упадок либерализма. Бунт женщин против узаконенной дис- криминации набирал обороты, особенно в Британии. По всей Европе с 1890